

Как бы вызываясь ни вели себя Третий и Пятый принцы, они по крайней мере действовали открыто, соревнуясь в верховой езде, стрельбе из лука и науках. Если бы дело не приняло опасный оборот, император охотно закрыл бы на это глаза.

Но Восьмой принц... На словах он якобы радел о младшем брате, без зазрения совести пользуясь чувством вины отца перед Тринадцатым принцем. На деле же он тайно приставил к нему своего человека, приказав исподволь внушать мальчику рабскую покорность.

При мысли о том, что Восьмому принцу едва исполнилось четырнадцать лет, императора пробрала дрожь.

— Объявите мой указ! — ледяным тоном произнёс государь. — Евнух Лю Чжаоси, приставленный к Тринадцатому принцу, обманул наше доверие. Он лгал государю, предавал своего господина и сеял смуту. Подобное вероломство не знает прощения. Приговариваю его к немедленной казни через обезглавливание, приговор привести в исполнение сегодня же! А что до Восьмого принца...

Император тяжело вздохнул, лицо его омрачилось глубокой печалью.

— Пока... заprite его в собственных покоях под домашний арест.

Дворец Биюань

Тринадцатый принц бросил взгляд на Лю Чжаоси, застывшего у дверей в ожидании их возвращения. Вдруг мальчик едва заметно усмехнулся. Он крепко сжал руку Кон Цзяцзы и тихо шепнул, склонив голову:

— Кон Цзяцзы, смотри, как я сейчас заставлю его заплатить.

Не успел тот ответить, как принц шагнул вперёд и звонко, на весь двор, выкрикнул:

— Евнух Лю, признаёшь ли ты свою вину?

Лю Чжаоси внутренне содрогнулся. Он впился в Кон Цзяцзы тяжёлым, ядовитым взглядом, способным, казалось, разесть плоть до костей. Затем евнух медленно опустился на колени перед Тринадцатым принцем.

— Ваше Высочество, этот слуга не понимает, в чём его вина.

Тринадцатый принц подошёл к нему вплотную и заговорил вкрадчивым полушёпотом:

— Всё, что ты творил с Кон Цзяцзы, мне известно. Он обо всём мне рассказал.

Кон Цзяцзы мысленно возмутился:

"Враньё, — подумал он. — Я ведь и слова не проронил"

Лю Чжаоси, однако, и бровью не повёл.

— Этот слуга лишь наставлял молодого евнуха. Если усердие в обучении теперь считается преступлением, я безропотно приму любое наказание.

С этими словами он посмотрел на Кон Цзяцзы ледяным взглядом.

— Но неужели Ваше Высочество так высоко ценит этого ничтожного мальчишку? Глупый, неотёсанный раб! Я, старший евнух, не жалея сил, обучал его дворцовому уставу. А он за малейшую строгость посмел бежать к господину с жалобами, навлекая на меня гнев... Если так пойдёт и дальше, Ваше Высочество из-за этого неблагодарного мерзавца рано или поздно совершит непоправимую ошибку!

Говорил он горячо, с глубоким почтением, будто пёкса исключительно о благополучии юного господина:

— Знаю, Ваше Высочество не доверяет мне. Но разве хоть один мой шаг с первого дня в этих покоях принёс вам вред? Разве не о вашем величии я думал денно и ночью? Полноте, государь, негоже судить преданного слугу лишь по наветам этого ничтожества!

Если бы Тринадцатый принц не переродился, он, пожалуй, и впрямь поверил бы сладким речам старого лиса.

Но в прошлой жизни он сполна познал горечь предательства. Он слишком хорошо помнил, кто искренне желал ему добра, а кто за пазухой держал камень. Все гнилые помыслы этих людей, которые сейчас они так тщательно скрывали, были ему известны.

Поэтому жалобный плач Лю Чжаоси не тронул его. Принц даже не поморщился. Он лишь тихо, хрипло рассмеялся:

— Как трогательно, у меня едва слёзы не покатились. Послушай, евнух. Кем бы ты ни был у моего Императорского отца, здесь ты всего лишь слуга. А я — твой господин. В этом наша разница. И ты смеешь поучать меня? Смеешь обвинять в безрассудстве и утверждать, будто я слепо поверил наговорам Кон Цзяцзы?

До сих пор Тринадцатый принц обходился с Лю Чжаоси как с пустым местом, едва достаивая парой слов в день. Евнух и представить не мог, насколько опасным может быть этот ребёнок, считая его обычным нелюдимым молчуном.

Теперь же Лю Чжаоси почуял неладное. Он поспешно выдавил из себя слезу и запричитал:

— Как... как этот слуга мог помыслить подобное!

Но его притворство лишь сильнее разозлило мальчика. Тринадцатый принц с силой пнул евнуха в грудь.

— Лю Чжаоси! Не держи меня за дурака!

Он резко ухватил евнуха за волосы. Тот не посмел сопротивляться, лишь испуганно замер. Принц прошипел ему прямо в лицо:

— Думаешь, я не знаю, что ты — цепной пёс моего Восьмого братца, этого гнусного Мастера доносов?

Он с отвращением оттолкнул евнуха, не обращая внимания на то, что тот остолбенел.

— Я терпел тебя так долго лишь для того, чтобы увидеть, когда ты наконец выдашь себя с головой... Какая осторожность! Столько дней ни одного неверного шага. Только и горазд был, что отыгрываться на моём маленьком евнухе...

Принц ткнул в Лю Чжаоси пальцем:

— Твоей смелости хватает лишь на то, чтобы измываться над ребёнком. Но запомни.

— Я этого не позволю, — отрезал Тринадцатый принц. — Слышишь? Не позволю. И мало этого — за каждую его обиду я заставлю тебя расплатиться. Медленно, каплей за каплей.

Лю Чжаоси округлил глаза от ужаса:

— Ваше Высочество, вы бредите! Что за безумные речи? Какое отношение... какое отношение этот слуга имеет к Восьмому принцу?

Тринадцатый принц оглянулся на замерших слуг и служанок, занятых уборкой во дворе, и вдруг расхохотался, схватившись за живот. Он опёрся о плечо Кон Цзяцзы, едва удерживаясь на ногах от смеха, и сквозь слёзы выдохнул:

— Смотри, Кон Цзяцзы, смотри на этого глупца! Не увидит гроба — не пустит слезы. Он ведь даже не догадывается, что совсем скоро его голова покатится по плахе.

Кон Цзяцзы вздохнул и мягко придержал смеющегося мальчика:

— Господин, поберегите себя. Не стоит так надрываться.

Он перевёл взгляд на Лю Чжаоси. Он не выказал ни радости, ни торжества, ни затаённой злобы — он оставался таким же спокойным и холодным, как и в тот день, когда евнух избивал его.

— Евнух Лю, — тихо произнёс мальчик, — вы ещё помните те наставления, что давали мне с глазу на глаз?

Лю Чжаоси перед принцем ещё пытался соблюдать приличия, скрывая ярость за маской покорности. Но к Кон Цзяцзы он питал лишь слепую, жгучую ненависть.

— Ах ты, паршивый ублюдок! — взвыл он. — И это после всего, что я для тебя сделал!

Евнух резко повернулся к принцу, захлёбываясь слезами:

— Ваше Высочество! Моя верность чиста как ключевая вода! Это всё он, этот змеёныш! Он перевернул всё с ног на голову! Это он служит Восьмому принцу! Он нарочно чернит меня, чтобы вбить клин между нами! Его помыслы коварны, он заслуживает лютой смерти!

— Рот закрой! — Тринадцатый принц снова замахнулся для удара, но Кон Цзяцзы удержал его за руку.

— Господин, — Кон Цзяцзы покачал головой, — не марайте о него руки.

Ему не хотелось больше смотреть на поверженного врага, как не хотелось, чтобы принц пачкал обувь о дорожную грязь.

— Он уже покойник, — едва слышно обронил мальчик.

Лю Чжаоси, конечно, не поверил ни единому слову мальчишек. Он решил, что Кон Цзяцзы просто выдал его с потрохами, рассказав о тайных издевательствах. Мысленно вернувшись к тем дням, евнух и сам смутно припоминал, что вёл себя как-то странно. Он ведь собирался лишь слегка припугнуть мальчишку, чтобы подчинить себе, но почему-то то и дело терял самообладание, переходя всякие границы.

Впрочем, он списал всё на несносный характер Кон Цзяцзы, даже не заподозрив неладное. Теперь он был уверен, что принц просто цепляется за эту оплошность, чтобы избавиться от нежеланного слуги.

На лице Лю Чжаоси застыло выражение глубочайшей скорби, но в душе он торжествовал:

"Дети, глупые, неопытные щенки. Решили погубить меня из-за какого-то недоноски! Ну поколотил я его, ну забил бы насмерть — и что с того? Стоит лишь пустить слух, очернить мальчишку — и поди разберись, кто прав, кто виноват"

Но плакать и причитать всё равно приходилось. Если перед господином не пролить ведро слёз, голова слетит с плеч куда быстрее.

Тринадцатый принц перестал смеяться. Свой смертельный удар он нанёс уже давно. Сейчас он разыгрывал это представление лишь ради одного — увидеть, как Лю Чжаоси рухнет со своих мнимых высот в самую бездну. Чтобы тот, уверовав в собственное спасение, в последний миг осознал: бежать некуда.

Принц не планировал устраивать эту сцену, но раз уж мерзавец посмел поднять руку на Кон Цзяцзы, он должен был лично растоптать его гордость.

"Моих людей никто не смеет трогать, — думал он. — К тому же вы смелы, только пока он слаб и мал. Пройдёт время, он расправит крылья, и тогда никто из вас не устоит на ногах"

Принцу невольно вспомнился тот преданный силуэт из прошлой жизни. Человек, который неизменно следовал за ним бесшумной тенью, скрывая бурю чувств. Лишь однажды тот позволил себе глухой, сдавленный вздох:

"Ваш слуга заставил Ваше Величество терпеть обиды. Я пришёл просить о наказании"

Тогда казалось, что любые враги и самые изощрённые интриги для него — лишь пустяк. И только он, недалёкий император, оставался в блаженном неведении, слепо ожидая своего спасителя.

Принц тряхнул головой, отгоняя нахлынувшие видения. По крайней мере в этой жизни пришёл его черёд плести интриги и обводить врагов вокруг пальца.

Не удостоив воющего Лю Чжаоси даже взгляда, он потянул Кон Цзяцзы за собой.

— Ступай на колени, — бросил он через плечо. — Стой здесь и жди указа моего Императорского отца.

Кон Цзяцзы, спотыкаясь, едва поспевал за порывистым шагом принца.

— Указ? — любопытствовал он тихо. — Неужели сегодня утром...

Принц строго посмотрел на него, и тот осёкся на полуслове.

Тринадцатый принц приложил палец к губам:

— Тсс... — Он лукаво подмигнул Кон Цзяцзы. — Знаем только мы с тобой. Больше ни одна душа.

Наставник-эльф 311 протяжно вздохнул в его голове:

"Он точно к тебе неравнодушен. Постоянно строит глазки. Бьюсь об заклад, в прошлой жизни он тоже тайно вздыхал по тебе"

"Заткнись," — мысленно оборвал его Кон Цзяцзы.

Поначалу мальчик действительно почувствовал лёгкий укол благодарности, но дурацкие замечания 311 мигом разрушили всё очарование момента, оставив лишь гнетущую неловкость...

Тринадцатый принц завёл Кон Цзяцзы в свои скромные покои и с гордым видом фокусника извлёк из-под стола нарядный лакированный короб для яств, присланный с Императорской кухни.

— Свежайшие пирожные с османтусом! Кое-как выпросил их для тебя у поваров. Если понравятся, прикажу принести ещё. Ну же, перестань на меня дуться, ладно?

Кон Цзяцзы удивлённо взглянул на него:

— Ваше Высочество... с чего бы вашему слуге сердиться на вас?

Он и впрямь никогда не держал на него зла. Идея пойти в учение к Лю Чжаоси принадлежала ему самому: во-первых, требовалось выполнить задание Системы, а во-вторых, Кон Цзяцзы хотелось лично приглядывать за старым пронырой. Лучше держать врага на виду, чем позволять ему пакостить исподтишка.

В его сознании тем временем вовсю верещал 311:

"О боги, я прощаю его! Тринадцатый принц — сущий ангел! Хнык-хнык! Как же это мило..."

Кон Цзяцзы лишь мысленно вздохнул. Как объяснить принцу, что безумной любовью к сладостям пылает вовсе не он, а этот бесполезный, вечно болтающий эльф в его голове?

Впрочем, стоило Кон Цзяцзы отправить в рот первый кусочек нежного османтусового пирожного, как он решил оставить эти откровения при себе. А заодно — не делиться с 311 ни единой крошкой.

Вдвоём с принцем они в мгновение ока опустошили короб. Что и говорить, угощение оказалось превосходным.

311 безутешно наблюдал, как тают запахи лакомства. Сердце эльфа обливалось кровью. Уставившись на опустевшее дно короба, он зарыдал в голос:

"Кон Цзяцзы, да ты чудовище! Хотя бы крошку оставил..."

Мальчик лениво погладил набитый живот, искренне не понимая, как существо, которому перевалило за добрую сотню лет, может быть настолько капризным и инфантильным. Неужели это и есть та самая "пропасть между поколениями", о которой твердил 311?

Договорить мысль он не успел.

Снаружи донёлся оглушительный шум.

— Что вы творите?! Руки убрали! — Визгливый, сорвавшийся на сип голос Лю Чжаоси долетал сквозь закрытые двери. — Пустите меня! Это ложь!.. Клевета! Меня оговорили! Ваше Высочество! Ваше Высочество, спасите-е-е!!!

Кон Цзяцзы порывался подняться, но принц быстрым жестом остановил его. Они спешно переглянулись, стёрли с губ последние крошки и избавились от малейших улик своего пиршества.

Затем Тринадцатый принц нацепил на лицо маску смертельного испуга и пулей выскочил на крыльцо.

— Что случилось?.. Что здесь происходит?.. — лепетал он, изображая крайнее замешательство. Заметив стражников, грубо волокущих брыкающегося Лю Чжаоси, мальчик бросился к ним. В спешке он умудрился потерять туфлю и, едва не плача, закричал: — Что вы делаете?! Зачем вы уводите евнуха Лю?!